Айболит 2012, или Спасти дракона

Денис Андреевич Луженский

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Врачам, как известно, большие праздники — большие беспокойства, но надо же и беспокойствам меру знать! В кои-то веки повезло Новый год встретить дома, с женой и друзьями. И вот уже за стол садишься, уже на часы поглядываешь, а тут…

Опубликовано на сайте: http://fantum.ru/.

- Денис Луженский
  -
  -

Денис Луженский
Айболит 2012, или Спасти дракона

Знаете Гену Замоскворецкого — фантаста из Энска? Согласен, глупый вопрос — кто ж Гену сейчас не знает. Личность в нашем цеху заметная. Фигура. Звезда. Практически мэтр. Как минимум, все читали его технотриллер «Восстание «жигулей». Или даже осилили хитовую фэнтези-эпопею «Меч, два меча и ещё три меча».

А знаете, как он начинал? Сейчас расскажу. Стартовал Гена три года назад, аккурат под Новый 2012-й. Ярко стартовал, феерично, под рёв турбин и с пламенем из дюз.

И дело — верьте, не верьте — было так…

Сказка — ложь, да в ней
двадцать шесть тысяч знаков!

(главный редактор при подведении итогов мозгового штурма на тему «Чем нам забить эти три чёртовых полосы?!»)

31 декабря, поздний вечер. Телефонный звонок. Айрам Борисович Лит, знаменитый энский невропат и травматург (по определению дружески настроенных коллег и некоторых активных недоброжелателей), терапевт-универсал и диагност, снимает трубку. И благодушно басит:

— У аппарата.

Трубка отзывается тревожным, вибрирующим тенором:

— Абрам Бо-борисович?

— Айрам, — машинально поправляет Лит: — Сперва «ай». Потом «рам». Кто это?

— Простите, доктор. Я, н-наверное, не вовремя, но у меня тут срочно! Без… Безотлаг-гательно!

Благодушие сползает с Лита, как шкурка с банана. Голос незнакомый, к тому же абонент явно паникует — от таких голосов в новогоднюю ночь ничего хорошего не жди.

— Кто вы? Что случилось?

— Вы мне нужны, д-доктор! Вопрос жизни и с-смерти!

— Коля, ты? — без особой надежды спрашивает Айрам Борисович. — Вислогубов? Шуточки у тебя…

— Нет, это не Коля, это Г-геннадий.

— Гена? Мусин-Ладожский? Богатым будешь, не узнал!

— Нет, моя фамилия Замосквор-рецкий. Вы меня вряд ли знаете, я пока совсем н-не известный. Но очень в-вас прошу, п-помогите!

— Чёрт знает, что такое, — Лит начинает раздражаться. — Уже десять часов, до двенадцати всего ничего… Кто вас ко мне послал? Что за нелепая шутка?

— Ефим Ив-ванович.

— Кто такой Ефим Иванович? Я не знаю никакого Ефима Ивановича!

— Вы его д-дядю лечили. Дядя сказал, что вы — очень, очень х-хороший специалист!

— Я не хороший, я — лучший, — немного обиженно заявляет Айрам Борисович. — Но это не значит, что меня можно вот так дёргать из-за стола за два часа до…

— Так в том и д-дело! В том и д-дело! — беспокойный тенор от волнения начинает заикаться сильнее. — Новый год на носу, а он т-тут… Он тут ум-мирает! И я ничего, н-ничего не могу с этим п-поделать! Понимаете?! Н-ничего!

— Кто умирает? Где умирает? — раздражение Лита переходит в растерянность.

— З-з-здесь! Внизу! У меня в м-машине!

Абонент всхлипывает. А у Айрама Борисовича в желудке встаёт на ребро солёный огурец.

— Вы что… мнэ-э-э… Из машины звоните?!

— Да. Стою прямо перед вашим п-подъездом. Вам только одеться и…

— Вы с ума сошли! Кто вам дал мой адрес?! Ваш дядя?!

— Н-нет. Мой дядя умер.

— Как умер?! Когда умер?!

— Д-два года назад. Вы не виноваты, доктор! Он у-утонул!

— Ну, знаете! — Лит выдыхает — не то возмущённо, не то с облегчением — и пытается собрать воедино разбегающиеся мысли. — Так… Вам назвал мой адрес дядя этого… как его… Ивана Ефимовича?

— Ефима Ивановича. Н-нет! Я в б-больницу звонил, мне дежурная медсестра с-сказала.

— Чёрт знает, что такое! Ну, я узнаю во вторник, кто там дежурил!

— Доктор, умоляю! Я ведь уже з-здесь! Помогите!

— Нет, — Лит даже головой трясёт, хотя абонент его и не видит. — Решительно невозможно! У меня гости за столом! Я уже, знаете ли, водки выпил…

— Доктор, н-ну как же вы не п-понимаете! Тут же вопрос жизни и с-смерти!

— Ну, какого, извините за прямоту, чёрта вы от меня хотите?! Я ведь не реанимация!

— В реаним-мации не помогут! Там и без меня з-забот — полон рот! Доктор, не хочу вас п-пугать, но эта смерть будет на вашей с-совести!

— Чёрт знает… — бормочет вконец расстроенный Айрам Борисович. — Мне второго января на работу. Пациент до второго января не дотянет?

— Н-н-никак, — тенор снова всхлипывает. — Доктор, вы не можете нас тут б-бросить… Доктор, только на вас и н-н-надежда… Д-доктор, у меня «москвич» с-синий, я тут вас жду… Спасите, д-доктор…

Сочувствуя оборвавшему связь абоненту, телефонная трубка плачет короткими гудками. Лит сперва растерянно смотрит на неё, потом немножко испуганно и очень виновато — на жену.

— Милая, родная, голубушка моя…

— Опять? — холодно и сухо спрашивает Марта Ильинична — женщина с виду хрупкая, но ещё в нежном возрасте, по-видимому, перенесшая операцию по замене позвоночника на железный лом.

— Родная моя, ну ты же знаешь…

— Знаю.

— Милая моя, ну ты же понимаешь…

— Нет, не понимаю.

— Голубушка, ну ты же…

— Прощу, — ледяным тоном отрезает супруга. — Если успеешь вернуться до двенадцати ноль-ноль.

* * *

В шестиугольнике двора — мороз, снег, свет уличных фонарей, щедро удобренные песком тротуары, заиндевевшие авто, хлопки пробок на детской площадке, визг взлетающей ракеты и многоголосый смех: мужской, женский, детский. Светло-синий «москвичонок», привалившийся боком к огромному сугробу, суетливо мигает фарами. Из открытого окна машины кто-то машет рукой:

— Сюда, Айрам Б-борисович! Здесь я!

Беспокойный тенор высок, но не строен — он тощ, сутул и плохо выбрит. И в автомобиле, кроме него, никого нет. Втиснувшись на переднее сиденье, Лит игнорирует протянутую для пожатия нервную узкую ладонь. Вместо этого он вперяет в

водителя грозный взгляд.

— Где ваш друг?! Извольте предъявить умирающего, любезный!

— Друг? — тощий Гена секунду смотрит удивлённо, потом спохватывается и суёт закипающему от гнева врачу раскрытый ноутбук. — Вот!

С мерцающего экрана на Айрама Борисовича смотрит нечто змееподобное, чешуйчатое, сине-зелёное, зубастое, с развёрнутыми перепончатыми крыльями. Нарисованное пусть и довольно посредственно, зато вдохновенно.

— Это… — Лит несколько секунд переваривает увиденное, потом заканчивает: — Вы всё-таки шутник, да?

У него почему-то даже гнев утихает, он испытывает нечто вроде облегчения. Пусть глупый, но всё ж таки розыгрыш. Никто не умирает, никого не нужно спасать. И через пару минут можно будет уже вернуться за стол — под звон рюмок, под хохот разыгравших хозяина гостей, под приятно теплеющий взгляд жены…

— Это не ш-шутка, — Гена шмыгает носом. — Это Дорргрaуморт, мой д-дракон. Ему п-плохо, доктор!

— Вы комик, любезный? Вас кто-то попросил меня разыграть? А-а-а! Женя Горбачевский! В его стиле шуточка!

— Я не к-комик, доктор, я — п-писатель. Фантаст, понимаете? Н-н-начинающий. Малоизв-в-вестный.

— Чёрт знает, что такое!

— Выслушайте, в-войдите в положение. У меня времени — только до утра, в с-семь уже поезд. Плацкартный вагон, п-первое января, до М-москвы ехать сутки. Я же н-не смогу там работать, доктор! Мне там не дадут! А вт-торого мне уже нужно быть в редакции! А т-третьего уже корректура! Это же б-б-блиц-выпуск! Новогодний, понимаете?! Они з-заказали рассказ! Если я не успею — второго т-такого шанса…

— Кто заказал?! Какой рассказ?!

— Альманах. Литературно-фантастический. «Полночь. М-миллениум». Не слыхали? Он известный, п-престижный — жуть! Рассказ фэ… фэнтезийный, про драконов… А я не пишу фэнтези! Я не б-брался ни разу! Если б ф-фантастика — я б за пару дней всё разложил, как по нотам: д-дракон — мутант, киборг-модифик-кант, ошибка генетического эксп-перимента, его вывели, чтобы на детских утренниках п-показывать, а он вышел из-под к-контроля, и ёлку — пф-фух… Э-эх!.. Но у них там — только фэнтези, и б-баста! Но я всё равно за два д-дня почти успел! Почти! Это же для м-меня шанс, понимаете?! Мне обязательно ну… нужно!

— Нет! — рявкает разгневанный Лит. — Не понимаю! Какой

идиот будет заказывать в престижный альманах рассказ за два дня до издания?!

— Они не за два д-дня, они за два м-месяца заказали, — Гена моргает, явно смущённый. — Только не мне, а Лук… Лукоморенко… Ну, вы же слыхали про Фаддея Лук-коморенко, не могли не слыхать! Он-то — ф-фигура! Звезда! В нашем писательском цеху даже среди м-мэтров — киломэтр!

— И что же ваш звездун? — ядовито вопрошает Айрам Борисович. — Не справился?

— Ну, что вы! С-справился! Но на той неделе п-попал к нему в руки свежий выпуск «П-полночи», а в нём статья их штатного к-критика — Ильи Богатырского — про п-последний роман Лукоморенко. И так, знаете ли, р-резковато Богатырский выступил… Мол, была з-звезда, да звездец з-звезде, вся вызвездилась. Мол, т-таких романов на просторах р-рунета — хоть кастрюлей хлебай. Мол, не п-пора ли уже на небосклоне н-новые Сириусы с Альтаирами п-поискать… Так Лукоморенко обиделся и готовый р-рассказ в своём блоге опубликовал.

— И что за беда?

— Да как же! С-скандал! Уже опубликованное в «Полночи» не п-печатают! Редактор лично в комментах к рассказу отп-писался, назвал мэтра зазнавшимся г-графоманом. Это ж знаете… Это вот как если б в-вас кто-нибудь к-коновалом обозвал, доктор.

— А что же мэтр? — Лит ловит себя на том, что поневоле увлёкся окололитературной склокой.

— Заявил в ответ, мол, р-редакторов нынче развелось — что блох на д-дворняге, а таких писателей, как он — только он один. Но если р-редакция с Богатырским согласна, п-пусть заказывает рассказы «н-новым Альтаирам». А редактор ему в ответ: «И з-закажем, не сомневайтесь». Ну, и н-написал прямо там, в б-блоге: «Альманах подписывается в печать п-пятого января. Кто первым возьмётся до т-третьего сдать в корректору готовый текст — тому з-заказ и отдадим».

— И вы, значит, первым успели.

— Успел! — на лице Гены расцветает счастливая, глупая, почти детская улыбка.

— Справились?

Улыбка гаснет отгоревшим бенгальским огнём, в один миг щенячья радость без пяти минут состоявшегося писателя сменяется прежним отчаянием. Он складывает руки «замком» и трясёт ими перед Айрамом Борисовичем, причитая:

— Я почти справился! П-почти! У меня есть г-герои! У меня есть с-сюжет! Есть к-кульминация! Есть всё, кроме ф-финала! Умоляю, доктор, помогите! Я всё н-написал за сутки! А потом

целый д-день бился над р-развязкой! С самого утра! И ничего, н-ничего не выходит! Либо эта н-ночь, либо н-ничего! Дорргрaуморт умрёт! И я т-тоже умру — как п-писатель! Если вы не поможете…

— Конечно, помогу, — прерывает словесное извержение Лит. — У меня есть знакомый специалист, я вам дам телефончик, скажете — от меня. Очень хороший специалист, как раз по вашему профилю.

— Мне не нужен п-психиатр, — тощий Гена смотрит с укоризной, — мне нужен д-диагност. Вот, прочитайте это.

И он начинает нервно тыкать пальцем в клавиши ноутбука.

— Вот отсюда прочитайте — сразу всё п-поймёте!

Подчиняясь звенящей в его голосе истовой убеждённости, Айрам Борисович прикипает взглядом к строчкам на экране.

С драконом что-то было не так. Он двигался скованно, дышал тяжело, а когда поднялся на задние лапы, вытягивая под свод пещеры мощную шею, Тубалкейн увидел, что сапфировая чешуя на брюхе чудовища потускнела и отслаивается. Страшные когти чертили в камне глубокие борозды, но делали это не уверенно. Сверкнув на юношу янтарными глазами, дракон распахнул пасть и шумно дохнул… Но зажмуривший глаза Тубалкейн недождался потока всесжигающего пламени, вместо этого его окутало облако густого и исключительно вонючего дыма.

Тогда рептилия осела, съёжилась и будто бы стала меньше. Незадачливый спаситель принцесс подумал, что от кончика хвоста до ноздрей будет от силы два десятка локтей. А дракон, между тем, хмуро поглядел на человека и просипел с натугой:

— Что, рыцарь, бить будешь?

— Н-нет, — пробормотал растерянный Тубалкейн. — Я не драться, я поговорить.

— И то верно, — согласилось чудовище горько, — со мной теперь — только языком почесать. А потом палицей по голове — и вся недолга.

Не веря своим ушам, юноша в изумлении уставился на дракона.

— Ты болен?!

— Уже восемь лет.

— Так долго! Но… разве у вас нет собственных лекарей?

— Лекарей нет, — если бы рептилия была человеком,

она бы, наверное, саркастически усмехнулась. — Есть мудрецы. Ты полагаешь, я сам додумался украсть человечью самочку? Они посоветовали. Премудрые.

— Что… — Тубалкейн задохнулся, отыскав взглядом недвижную фигурку у подножия золотой груды. — Что ты с ней сделал?!

— Да пока ничего. Лизнул пару раз — на пробу. Думал, может уже так подействует.

— Ли… лизнул?!

— Не помогло, — дракон вздохнул совсем по-человечески, — даже, как будто, хуже стало. А она в обморок упала. И так оно даже к лучшему — ничего не почувствует.

— Нет! — выкрикнул Тубалкейн, сжимая кулаки. — Ты не посмеешь!

— Выбор-то небогат, парень, — мрачно заметил дракон. — Либо я сожру твою девчонку, либо меня сожрёт моя болячка… Ну, либо ты мне просто дашь по голове палицей, спасёшь её, а меня избавишь от мук совести. Я даже, может быть, почти не буду сопротивляться.

Самозваный рыцарь опустил голову.

— У меня нет палицы, — признался он. — И я скверный боец.

— Что ж… Тогда у нас и правда проблема, — сипло подытожил Дорргрaуморт.

— «Неуверенно» нужно писать слитно, — машинально поправляет аккуратный по части правописания Лит. — А «не дождался» — раздельно.

Писатель, даром что взволнован, слегка краснеет.

— Это черновик… я… с-спасибо. А по существу дела, д-доктор?

— Да что тут скажешь. Не О'Генри вы, и не Куприн. И мне всё ещё невдомёк, на кой чёрт я вам сдался.

— Сейчас объясню, доктор! Вкратце история т-такая: Альвиц Тубалкейн фон Г-гаспит — паренёк из мелкопоместных н-небогатых дворян Красногории, поступает в столичную м-медицинскую академию. Случайно вместе со знакомым п-попадает на новогодний бал в королевском д-дворце, где выдаёт себя за р-рыцаря. И влюбляется в Анфилину — наследную п-принцессу. Как п-положено, с первого взгляда. Они танцуют, потом выходят на б-балкон есть мороженое, и тут её уносит в когтях внезапно налетевший д-дракон. Все в ужасе и в панике —

дракон много лет жил на г-горе неподалёку и людей не беспокоил. К тому же д-драконы — большая редкость: они живут по триста лет и славятся как большие му… мудрецы. В прошлом их почти истребили, п-поэтому теперь уцелевшие оберегаются по всему м-миру, как величайшая ценность. И вот к-король лично просит молодого рыцаря, весь п-праздник ухаживавшего за принцессой, пойти в логово п-похитителя и… ну, как-то договориться с драконом, ведь тот — с-создание разумное. Влюблённый Тубалкейн соглашается и идёт. И узнаёт, что д-дракон болен, п-понимаете?

— Это я уже прочитал, — ворчливо отзывается Лит. — Дыхание затруднено, чешуя отслаивается… Как он вообще летал, да ещё и таскал кого-то?

— Из п-последних сил. Он восемь лет б-болеет, и ему становится всё хуже. От отчаяния б-бедняга решился на крайние меры.

— Взял принцессу в заложницы?

— Нет. Собирается её с-съесть.

— Ор-р-ригинально! — Айрам Борисович, глядя на писателя, приподнимает бровь — левую.

— Да-да! Видите ли, среди д-драконов бытует поверье, будто бы человеческая д-девственница благородных кровей может исцелить даже т-тяжёлые, смертельные раны. Дорргрaуморт — дракон молодой, п-прогрессивный и не верит в байки ст-тариков, но болезнь измучила его, он умирает и п-потому отчаялся.

— Занятная история, — признаёт нехотя Лит.

— Небанальная, правда?! — глаза Гены восторженно блестят. — Драконов убивают, д-драконов седлают, с ними даже торгуют, но никто их ещё н-не лечил!

— Или вы об этом ещё не читали, — втыкает шпильку мстительный врач. — Но всё-таки, зачем вам я?

— Вылечите его! — пальцы писателя вновь сцепляются, взгляд становится умоляющим. — Я не знаю, чем он б-болен! У меня нет развязки, нет ф-финала! Сутки сидел, ломал голову — либо б-банальщина прёт, либо полный б-бред! А вы — диагност от бога, сп-пециалист, настоящий профи! Спасите моего д-дракона!

— Вы с ума сошли, — беззлобно отвечает Айрам Борисович. — Я даже не ветеринар, я людей лечу. Живых, не придуманных. Нет, любезный, я на вас не злюсь, даже где-то сочувствую вашей беде, но помочь — увы. У вас есть ещё пара дней, что-нибудь да сочините.

— Отказываетесь…

Лит разводит руками — не обессудьте, мол. Тогда лицо у

Гены делается необычайно решительным и он заявляет проникновенно:

— Доктор, я на своей фантазии не п-первый день женат, знаю её, как об-блупленную. Если уж она с-сказала «стоп» — тут хоть уб-бейся, толку не выйдет. Если на неделю рассказ за-а… заброшу, тогда что-нибудь, наверное, п-придумаю, но у меня этой недели нет — и значит рассказу к-каюк. И Дорргрaуморту к-каюк. И моим шансам в «Полночи» напечататься — т-тоже. А вы, Айрам Борисович, не просто ненормальному ч-чудаку сейчас отказываете, вы, быть может, на всём моём п-писательстве, крест ставите.

Откровенно говоря, Лита, как человека начитанного и обладающего хорошим вкусом, не слишком пугает перспектива загубить карьеру молодому фантасту. Между нами говоря, он даже считает, что борьба с графоманией — есть святая обязанность каждой культурной личности. Убедил хотя бы одного начинающего писателя или поэта бросить сочинительство до того, как его писанина впервые уйдёт в печать — можешь считать свою жизнь прожитой не зря. Но будучи вместе с тем человеком добрым и отзывчивым, Айрам Борисович никогда в этом не признается. И потому сейчас даёт слабину.

— Чёрт знает, что такое… Да господь с вами, юноша, вы делаете из мухи слона. У вас же фантазия, так придумайте любое название с любыми симптомами! Кто возьмётся опровергать, будто у драконов такой болезни нет? Напишите: драконье бешенство. Или какой-нибудь… ползучий ящур — отлично звучит.

— Нет, доктор, не в-выйдет, — Гену аж перекашивает от отвращения к себе.

— Отчего же?

— Логика… чтоб её. Логика п-повествования. Тубалкейн тоже не в-ветеринар, он тоже людей лечить б-будет. И в драконьих болячках — ни бум-бум. А потом, сами п-посудите, уж если драконы за восемь лет не подсказали Дорргрaум-морту средство излечения, то это едва ли б-болезнь известная. Нет, здесь что-то другое.

— Наследственное, — ворчит Айрам Борисович. — Достались бедняге гены дурные… от одного писателя.

А Гена так расстроен, что даже не возражает. И глядя на него, Лит вдруг начинает кое-что понимать.

— Послушайте, — говорит он, — если гора не идёт к Магомету, то, может, это и правда гора, а не слон? Вам ведь, в сущности, не нужен диагноз, чтобы написать финал. Пойдите другим путём.

— Каким? — с надеждой спрашивает писатель.

— А вот таким: народное средство может же и впрямь оказаться действенным. Дракон ест принцессу — и чудесным образом выздоравливает. Финал.

— Да что вы такое г-говорите! Вы же врач!

— Именно. И задачу свою, как врач, я выполняю. Спасаю вашего придуманного дракона. Придуманную девушку вы спасать не предлагали.

— Но Дорргрaуморт не хочет её есть! Ему даже х-хуже стало — потому, что не х-хочет он!

— Вот Тубалкейн ваш, как будущий врач, и должен наступить на горло собственным эмоциям, убедить больного. Девушку жалко, но дракона — ещё жальче. Он — редкость, вы сами сказали, государственное достояние. Его сберечь нужно. Между прочим, под этим соусом можно отличную драму завернуть — про ответственность врача, про тяжесть выбора. Если в вашей «Полночи» не дураки сидят, они такую историю у вас с руками оторвут.

— Ну, как же так… Ведь н-новогодний рассказ… — бормочет Гена, но в голосе его звучит неуверенность.

— Новогодний — не значит весёлый, — нравоучительно возвещает Лит. — Получится трагично, но красиво: очнувшаяся принцесса проникается ситуацией и сама предлагает себя в жертву. Как вариант — тронутый её словами дракон отказывается эту жертву принять и умирает на руках у рыдающих героев. Каждый делает свой выбор — вот вам и развязка, и финал.

— Но я уже акценты расставил ко… комедийные…

— От фарса до трагедии — один шаг.

Писатель сомневается целую минуту, потом отчаянно мотает головой.

— Нет, доктор, н-никак не могу. Взять, и отдать на съедение п-принцессу — юную, п-прекрасную, жертвенную — это же з-зверство, я себя уважать п-перестану. Но и дракона… его ведь тоже ж-жалко. Вот вам разве не ж-жалко?

— Вы напечататься хотите? — безжалостно наступает на больную мозоль Лит. — Мечтали стать настоящим литератором, за чужой заказ взялись, а трудности встретили — и на попятный?

— Я мечтаю, — соглашается Гена со вселенской тоскою в глазах. — Но не любой же ц-ценой! За чужой заказ взялся — это в-верно, да только Лукоморенко ради него не по… подставлял. И героев убивать не по в-велению музы, а ради собственной с-славы… Нет-нет, так не годится. Т-так я не хочу.

Лит смотрит на поникшего писателя, смотрит на его нервные пальцы, теребящие обмотку руля, и вдруг начинает понимать, что

раньше кое-что про Гену понял неверно.

— Так, — говорит он сердито, — не разводите сырость. Я тут, кажется, ошибся, а прав ваш Дормидонт…

— Доррграуморт. Можно короче: Дормор или Д-дорми — это для д-друзей.

— Не морочьте мне голову, молодой человек. Для нас сейчас важнее, что про кровь девственниц — это и правда байки стариковские. Принцесса наша, конечно, девушка славная, но жертва её в данном конкретном случае никому не поможет.

— Как так? — изумляется автор.

— А вот так. Какие у ящера симптомы?

— Ну-у-у… Плохой аппетит, болезненный зуд по телу, чешуя темнеет и сыпется, зрение ухудшилось…

— Это потому, что глаза воспалены, — задумчиво поясняет Лит. — А ещё он не может огонь выдохнуть — это у него с дыханием проблемы… Молодой он, говорите?

— Да, — писатель моргает. — Тридцать два г-года всего.

— Но живёт самостоятельно. Давно?

— Ну-у-у… — обескураженный Гена пожимает плечами. — Я как-то не д-думал… Наверное, у них, у д-драконов, совершеннолетие… ну, пусть в двадцать лет б-будет. А что?

— Пусть, — соглашается Лит. — И тогда они улетают из родной пещеры, чтобы завести себе собственную жилплощадь. Находят подходящую пещеру, набивают её сокровищами… Так?

— Ну-у-у… Примерно. А что?

— Выходит, гору неподалёку от королевского замка Дормидонт облюбовал лет двенадцать тому назад.

— Ну-у-у… В-выходит, так. А что?!

— И золото он туда всё больше местное таскал.

— Ну-у-у… Да, само с-собой. А что?!!!

— Всё ясно, — торжественно возглашает Лит и поднимает вверх указательный палец. — У него аллергия!

— На золото?! — ахает писатель, потом трясёт головой: — Нет-нет-нет, это же н-нелогично, он на золоте родился, он рядом с ним рос… Нет, Айрам Б-борисович, никак не сходится.

— Не на золото вообще, — сочувственно и немножко раздражённо, как на бестолкового ученика, смотрит на него Лит. — У него аллергия *на местное золото.* Оно червонное, или иначе — красное. Знаете, что это такое? Сплав золота и меди. Допустим, мода на него в королевстве пошла лет десять назад, когда ваш Дор-как-там-его только начинал свои сверкающие груды собирать. И скоро заболел.

— Но… я же такого не п-писал…

— А вы напишите. Всего несколько лишних строчек, и будет

вам сюжетная логика.

— Вот это да! — Гена хлопает округлившимися глазами. — У моего дракона… аллергия на м-медь!

— Очень редкое заболевание — неудивительно, что о нём никто не догадался. Между прочим, дракону ведь стало хуже после похищения — так вот, это не от жалости к девушке, а потому, что он её с новогоднего бала уволок. Принцессе, небось, макияж из золотых блёсток сделали с королевских-то щедрот, и когда наш хвостатый аллергик её лизнул…

— Гениально! — Гена хватает диагноста за руку, в порыве чувств сильно сжимает и трясёт — на сей раз Айрам Борисович не сопротивляется. — Спасибо, доктор! Сп-пасибо! Я в вас верил! Как в б-бога! У меня просто нет слов, чтобы выразить…

— А ещё писатель, — с ехидцей заявляет ему Лит и смотрит на часы; четверть двенадцатого. — Ну, что ж, я возвращаюсь к водочке и к холодным закускам. Присоединитесь?

— Нет, — улыбается Гена. — У меня же в семь утра п-поезд, а мне ещё нужно всё д-дописать.

— Ну, что ж, удачи вам.

Айрам Борисович выбирается из машины и полной грудью вдыхает морозный, пахнущий фейерверками воздух. Странное дело — вроде, и не спас никого на самом деле, а в душе покой и ликование, как после успешной операции.

— Знаете, — подмигивает ему Гена, опустив стекло и высунувшись наружу, — вы так вдохновенно рассказывали про п-принцессу, про дракона… Не пробовали сами сочинять, а?

— Пробовал, — признаётся Лит после недолгого колебания.

— И как?

— Да никак. Я, любезный Геннадий, ещё меньше О'Генри, чем вы. И до Куприна мне — как до Луны. Каждый должен заниматься своим делом. Не согласны?

— Согласен… н-наверное.

Гена Замоскворецкий улыбается неуверенной улыбкой студента, вытащившего на экзамене единственный знакомый билет.

— С наступающим, — говорит ему Айрам Борисович. И идёт домой.

Анфилина и по каменным глыбам, устилающим дно огромного пещерного колодца, ступала легко и невесомо, словно по надраенному паркету бального зала. Тубалкейн смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом. Потом вздохнул. Увидится ли он с ней ещё хоть раз? На выходе принцессу ожидает свита — её тут же увезут во

дворец. А завтра король уже узнает, что юный рыцарь Альвиц Тубалкейн фон Гаспит — вовсе даже и не рыцарь, а младший сын благородного, но совершенно разорившегося провинциального дворянчика и будущий государственный лекарь. Пусть не простолюдин, да только беден, как церковная мышь, и в перспективе у него отнюдь не ратная слава. Ах, Анфилина…

— Прелестная самочка! — гулко шепнул Дорргравморт. — Будь она зелёной, крылатой и ростом с меня, я бы сам в неё влюбился!

Тубалкейн покраснел.

— Ты мне жизнь спас, человечек! Я этого не забуду! У нас, ящеров, знаешь ли, хорошая память!

— Да не спеши ты благодарить, — молодой лекарь вяло махнул рукой. — Далеко ещё до поправки-то…

— Поправлюсь! — убеждённо заявил дракон. — Впервые за восемь лет чую: поправлюсь!

— Я утром вернусь со снадобьями, буду кровь тебе чистить. А ты, пока из постели твоей червонное не достану, спать на ней не вздумай.

— Да понял я, понял.

Дракон поглядел на своё драгоценное ложе и проворчал с сожалением:

— Вот незадача-то, столько трудов — и всё насмарку.

— Поменяй у Его Величества, — предложил Тубалкейн. — Всё красное золото на чистое. Думаю, он не откажет.

— Вот ты с ним и поговори! Скажи, что я предпочитаю монеты и маленькие слитки, на больших спать неудобно.

— Я?! — юноша поперхнулся. — С королём?!

— Я тебе доверяю, — дракон подмигнул огромным янтарным глазом. — А если ты ему скажешь, что золото будем менять три к двум — он ещё и наградит тебя, пожалуй. Эх, да только видел я королевскую сокровищницу — даже при таком обмене я едва ли от половины этой отравы избавлюсь…

Дорргравморт немного подумал, выпустил из ноздрей тонкую струйку дыма и решительно заявил:

— Что после мены с королём останется, ты заберёшь.

У Тубалкейна перехватило дыхание, он уставился на дракона широко раскрытыми глазами.

— Шу… Шутишь?!

— У тебя ведь нет на медь этой… аллер-р-р-ргии?

— Н-нету.

— Значит, не шучу. Жизнь чистокровного драка дорого стоит.

— Я не ради денег! — нашёл в себе силы возмутиться Тубалкейн.

— Знаю. Ты ради неё… Но мне приятно думать, что и ради меня чуть-чуть.

Дракон ещё немного поразмыслил и добавил:

— Это не плата за лечение. Это подарок. У вас ведь праздник, вы на него всегда друзьям что-нибудь дарите, я знаю. И вот ты подарил мне сегодня жизнь, а я дарю тебе… ну, то, что могу подарить. Так пойдёт, друг Тулли?

— Пойдёт, — прошептал Альвиц Тубалкейн фон Гаспит, вдруг ставший в масштабах маленькой Красногории очень выгодным женихом. — Спасибо, друг Дорми. С Новым годом тебя.

— С Новым годом, — ответил ему дракон.

25.11.2011 г.